

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

УДК 341(73):001

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ОБЪЕКТИВНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ В РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Н.Е. Тюрина

Аннотация

Мысль о единстве мира с древности бытует в человеческом сознании. В настоящее время она обретает реальные очертания в интеграционных процессах, и со всей остротой встает вопрос о правовом регуляторе в формирующемся глобальном сообществе. В поисках ответа на него уже много лет ведутся научные исследования, но до сих пор представления о мировом и глобальном праве и глобальной системе отличаются разнообразием. Законы диалектики подсказывают, что юридический инструментарий будущего коренится в настоящем. Основой глобального права может быть только международное право, которое уже приобрело некоторые черты универсального регулятора.

Ни в одну историческую эпоху государства не существовали изолированно друг от друга. Потребность во взаимодействии изначально составляет их отличительную черту, имманентно присущую данной форме общественной организации. В этом смысле государства всегда составляли некое единство, несмотря на противоречия, нахождение в состоянии войны, взаимное игнорирование. Связи между ними как элементами единого целого долгое время не носили системного всеобщего характера, правила взаимоотношений не отличались устойчивостью. Однако сам факт наличия этих связей и правил является свидетельством сопряженности, которую можно рассматривать как низшую ступень соорганизованности, возникшую не в силу непосредственного волеизъявления субъектов, а объективно, вследствие их жизнедеятельности, направленной на самосохранение и развитие.

Первой попыткой формализации межгосударственного взаимодействия на универсальном уровне стала Лига Наций, а окончательное оформление сообщества произошло с созданием ООН, и тем самым было вызвано к жизни понятие «международное сообщество». Могла ли подобная организация зародиться в XVIII или XIX веке? Ответ на этот вопрос не вызывает сомнений. Волевые усилия по созданию ООН были подкреплены общностью интересов разноплановых субъектов, объективно сложившейся под воздействием глобальных вызовов нового времени. Однако задолго до того, как это произошло, в научном сознании уже возникала мысль о «целостности мира» [1, с. 483] и предпосыл-

ках к единению. «Один из законов эволюции вообще, – писал Г. Спенсер, – заключается в том, что интеграция совершается тогда, когда на сходные единицы влияет одна и та же или сходные силы. ... В то время как одним из условий интеграции единиц, образующих социальную группу, является их сходство, другим условием бывает их совместное противодействие внешним силам...» [2, с. 333].

Научные представления о глобальной организации человечества непосредственно связаны с особой разновидностью правового регулятора общественных отношений – универсальным (мировым, глобальным) правом. На ранней стадии государственного развития это находило выражение в указании на сверхъестественное (божественное начало), для Древней Греции и Древнего Рима были характерны универсалистские воззрения, в которых подчеркивалась всеобщность естественного права и мирового согражданства всех людей. Их придерживались Сенека в I в., Гай, Ульпиан и др. во II – III вв. В средние века они получили продолжение на Западе в концепции всемирной монархии с всеобщим правом Данте Алигьери, а в раннебуржуазную эпоху – в либеральных правовых учениях Дж. Локка, Т. Пейна, Т. Джефферсона и др. В XVIII – XIX вв. идея универсализации увязывалась с достижением вечного мира и установлением общего для всех международного правопорядка. Ее проводниками были Т. Мор, Н. Макиавелли, Ж.-Ж. Руссо, Ф. Вольтер, Ш. Фурье, И. Кант. Данная идея служила обоснованием необходимости принятия всемирной конституции (И. Бентам). Подобные представления отражали реально существующую тенденцию к универсализации (глобализации) правовых норм (см. [3]).

Глобальные проблемы современности, представляющие вызов для всего человечества, необходимость сохранения и защиты общечеловеческих ценностей стали предпосылкой к поиску путей и форм соответствующей глобальной организации, формулой для которой становится «новый мировой порядок». В международно-правовых и политологических исследованиях эта тема обсуждается на протяжении нескольких десятилетий, и в рамках указанного периода можно выделить три основных этапа в развитии идеи мировой архитектуры, причем наиболее активную роль на начальных этапах этой дискуссии играли западные исследователи.

Первый этап охватывает 50–60-е годы прошлого столетия. В этот период на Западе появляются специальные работы по трансформации международного правопорядка в мировой. В 1961 г. в США открывается Институт мирового порядка, и в издаваемом им журнале «Альтернативы» начинается обширный проект «Модели миропорядка». Характерными элементами моделей миропорядка, разработанных в рамках данного проекта, является мировое право и мировое правительство [4, 5].

Второй этап приходится на 70–80-е годы, и его особенностью является подключение к дискуссии Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений, а также Международной Ассоциации политической науки. В этот период основной акцент проектов миропорядка переносится на глобальные проблемы, в результате чего появляются точки соприкосновения между западной и советской доктринами. Активно приступив к изучению данного вопроса, отечественные исследователи ставят во главу угла задачу укрепления ав-

торитета и повышения эффективности международного права [6, с. 94–101; 7, с. 21–31; 8, с. 50–52; 9, с. 97–107; 10; 11].

На новом, третьем этапе, который начинается в 90-е годы и продолжается в настоящее время, новая мировая организация представляется уже не результатом реализации даже наиболее целесообразного проекта, а скорее побочным продуктом тех процессов, прежде всего экономических, которыми характеризуется современное мировое развитие. В первую очередь обращается внимание на такие процессы, как возрастание скорости обращения товаров, услуг, информации, капиталов и мгновенность их обретения, одновременность охвата информацией, интенсивность перемещения граждан государств по всему миру [12, с. 113], иначе говоря, – формирование не признающей границ экономики – «геоэкономики» [13, с. 66–67; 14, с. 46–52; 15, с. 18; 16, р. 4].

Между тем глобализация представляет собой всеобъемлющий процесс, затрагивающий все области международного взаимодействия, хотя и в неравной степени, и именно его неравномерность объясняет повышенное внимание к сфере экономики, где некоторые результаты глобализации уже налицо. Но прежде чем перейти к рассмотрению этих результатов, следует остановиться на том, в чем суть данного процесса и что послужило предпосылкой для него.

Глобализация – это эволюция мироустройства, которая происходит на современном этапе в направлении всемирной, универсальной интеграции в условиях сохранения системы суверенных государств. Следует подчеркнуть, что речь идет не о научной концепции или проекте, который может быть реализован целенаправленными действиями государств или каких-либо иных акторов, а о реальном процессе современной международной жизни. Одним из наиболее убедительных признаков данного процесса и одновременно важнейшей предпосылкой для его зарождения и усиления выступает взаимозависимость государств. В основе взаимозависимости изначально лежит объективный фактор неравномерного распределения природных ресурсов. Вытекающие из него последствия долгое время носили большей частью негативный характер. Так, данным фактором были обусловлены бесчисленные войны, составляющие значительную часть всемирной истории, поскольку для удовлетворения экономических интересов война долгое время была более эффективным средством, чем сотрудничество. Разрушения и гибель людей в результате военных действий не могли служить сдерживающим фактором, поскольку даже самый неудачный исход войны затрагивал лишь отдельные государства. Однако мировые войны, явившиеся тотальным бедствием, и научно-техническая революция, которая наряду с прочими достижениями привела к созданию столь мощного разрушительного оружия, что односторонние преимущества в войне были поставлены под сомнение, произвели перелом в международном правосознании. Его результатом стало закрепление в Уставе ООН основных принципов мирных взаимоотношений между государствами. К этому времени экономическая взаимозависимость государств была усилена обострением глобальных проблем, в решении которых каждое государство заинтересовано, но не способно сделать это в одностороннем порядке. Появилась необходимость в объединении усилий не просто большинства, а всех государств. Озабоченность международного сообщества данными проблемами нашла отражение в целом ряде международно-правовых

актов. В Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций от 8 сентября 2000 г., в частности, указывается, что они должны решаться при справедливом распределении издержек и бремени в соответствии с фундаментальными принципами равенства и социальной справедливости.

Преодоление глобальных проблем составляет важнейший всеобщий публичный интерес, служащий толчком к принятию решений, которые, среди прочих, формируют процесс глобализации. В международно-правовых документах глобализация напрямую увязывается с усилением взаимозависимости государств, которая представляет в этом процессе объективное начало, и поэтому сам процесс характеризуется многими отечественными исследователями как объективный [12, с. 113, 115, 116]. Однако данное качество глобализации не получило единодушного признания. В Декларации и программе действий форума тысячелетия «Мы, Народы: укрепление Организации Объединенных Наций в XXI веке», принятых 26 мая 2000 г., говорится, что процесс глобализации не является неизбежным, он представляет собой результат решений, принимаемых людьми. Таким образом, в качестве второго, субъективного начала следует рассматривать целенаправленную деятельность, осуществляемую государственными и негосударственными акторами, по использованию взаимозависимости в своих собственных интересах, которые могут иметь публичный характер (государственные интересы) и корпоративный характер (например, интересы ТНК). Совпадающие публичные интересы, воплощаясь в универсальные нормы международного права, служат достижению целей мирового сообщества и являют собой позитивный результат глобализации. Несовпадающие публичные и корпоративные интересы становятся причиной негативных последствий данного процесса, на которые обращают внимание многочисленные международно-правовые документы и научные публикации последнего десятилетия. В них постоянно подчеркивается растущая открытость и взаимозависимость экономик. При углублении торговых связей и все возрастающих потоках частного капитала это означает, что проблемы одной страны могут легко выходить за ее пределы и влиять на все остальные страны. Таким образом, глобализация сопровождается опасностью нарушения привычного образа жизни и усилением неопределенности финансового положения трудящихся во всем мире. Глобализация, движимая корпоративными интересами, ведет к усилению неравенства между странами и в самих странах; ее неотъемлемой частью является неравенство и экспансия сильнейших стран Запада.

Вместе с тем, позитивные результаты и возможности глобализации являются впечатляющими. Все большая открытость и интеграция мировой экономики создают оптимальные условия для развития национальных государств за счет специализации в тех видах экономической деятельности, где они добиваются наибольшего успеха. Информационная революция и растущие масштабы взаимопроникновения культур и ценностей стимулировали демократический процесс, борьбу за права человека и основные свободы и зарождение единого чувства общности.

Объективное начало, лежащее в основе глобализации с одной стороны, и возможность управления данным процессом – с другой, указывают на необходимость установления эффективных средств и способов извлечения из него

максимальных преимуществ и предупреждения негативных последствий. Как справедливо утверждает И.И. Лукашук, глобализующийся мир требует более высокой организации мировой системы [12, с. 115], и важную роль в решении данной задачи призвано сыграть право. Поэтому следует согласиться с Е.Г. Лукьяновой в том, что «в современных условиях перед правом встает еще одна важная задача – проблема управления глобализацией, гармонизации ее процессов. Право выступает в качестве инструмента глобализации и одновременно средства управления ее процессами. Указанные обстоятельства обуславливают глубокие изменения как внутригосударственного, так и международного права, включая характер их взаимодействия» [17, с. 85].

В представлении о «глобальной социальной системе» [18] следует исходить из реалистической картины современного мира, которая далека от всемирной федерации или какой-либо иной формы государственно-подобной организации. Процессы, составляющие суть глобализации, происходят в системе суверенных национальных государств. При этом не только не нивелируются национально-государственные интересы, но и ведется поиск новых путей их защиты. Трудно согласиться с противоположной точкой зрения относительно роли государства на современном этапе, в частности с тем, что происходит «отмирание функций государства в международной жизни», отмирание «политики и замене ее экономикой» (см. [19, с. 99]). С одной стороны, проблемы международной безопасности не утратили своей актуальности, с другой – экономические интересы государств, сходные по содержанию, не образуют единства, являются индивидуальными, поэтому основной формой согласования национально-государственных интересов остается международное право, являющееся продуктом взаимодействия государств в процессе осуществления ими внешних функций.

В современных зарубежных исследованиях отношение к роли государства в глобальной перспективе также неоднозначно. Одной из распространенных точек зрения является утверждение, что государства не утратили своей способности к управлению в рамках осуществляемых полномочий. Они адаптируются к изменяющимся условиям, отказываясь от непосредственного контроля и делая упор на не прямое воздействие; в отношениях государств друг с другом основной стратегией является опора на международное право и международные организации. При этом не только государства сохраняют ведущую роль в условиях усиливающейся взаимозависимости, но и роль международного права, которое не противоречит их интересам, а является их воплощением, неуклонно возрастает [20; 21; 22, р. 195–196; 23, р. 16].

В свете приведенного подхода глобализация представляется постепенным процессом формирования мирового сообщества, в ходе которого происходит трансформация международного права в мировое право за счет повышения своего авторитета и влияния. Однако данное мнение разделяют не все исследователи международного права. Так, подчеркивая, что международное право служит «юридическим каркасом всеобъемлющего и стабильного мирового порядка», Д. Делбрук полагает, что этот факт все же не дает основания отождествлять его с мировым или глобальным правом в существующей парадигме государственного суверенитета [24, р. 705, 706, 725].

В соответствии с другой оценкой ситуации глобализация – это новый сложный правопорядок, который приходит на смену сообществу суверенных государств [25, р. 303]. Есть также мнение, что это фрагментарный процесс, в котором государственная политика утратила свои передовые позиции, и глобальное право нарождается не в политических центрах, образуемых государствами, а на социальной периферии, личностями, имеющими вес в более мелких социальных системах (подсистемах), нежели государства. В качестве таких подсистем рассматриваются транснациональные и многонациональные компании, обеспечивающие не территориальный, а функциональный правопорядок [26, р. 7, 49]. Однако данная точка зрения не получила широкого признания, и вызывает сомнения даже у тех исследователей, которые без оптимизма смотрят на роль государства в глобальном правотворчестве [27, р. 230].

Думается, что всякие сомнения относительно принципиального нового правового регулятора в глобальной системе можно толковать в пользу международного права. Любая альтернатива международному праву была бы неадекватной задачам, которые оно призвано решать в условиях глобализации: способствовать гармонизации и унификации правового регулирования отношений, для которых государственные границы в физическом смысле все в большей степени становятся условными. Однако ничего подобного нельзя сказать о политических границах, поскольку различия в уровнях экономического развития, формах политического устройства, социальной и культурной сферах весьма существенны. Справедливо лишь то, что осуществление суверенной власти происходит в настоящее время в необычных обстоятельствах, когда национальное правотворчество уже немыслимо без учета универсальных нормативно-правовых установлений. Этот феномен свидетельствует о глобализации международного права, которая происходит за счет удлинения радиуса его действия и ведет к постепенному формированию единого правового пространства. Вместе с тем следует согласиться с В.В. Гавриловым, что создание такого пространства не должно становиться самоцелью [28, с. 80].

Главной особенностью нарождающегося глобального права является способность выступать регулятором не только межгосударственных отношений, но и тех, которые связаны с деятельностью негосударственных акторов, выходящей за пределы государства, а также внутригосударственных отношений, в связи с чем в науке международного права был сделан вывод о формировании «общей системы права» [29, с. 8]. И хотя напрямую в данном контексте природа этого права не уточняется, можно предположить, что речь идет о новой концепции международного права.

В другом случае отмечается тенденция к универсальной «конституционализации» международного права, на которую указывает И.И. Лукашук [30, с. 120], что дает еще одно основание для вывода о возможности постепенной трансформации международного права в глобальное право.

Подтверждение данному выводу находим в изложении своего видения глобальной системы авторитетным ученым. Так, характеризуя глобальную систему как «суперсложное» образование, В.М. Шумилов выделяет в ней следующие уровни правоотношений: надгосударственный, межгосударственный, уровень субъектов федераций и административно-территориальных единиц государств,

уровень местного самоуправления и уровень частных лиц. Правовое регулирование на каждом из них осуществляется нормами, образующими в целом глобальное право [31, с. 48].

Следует заметить, что данная структура общественных отношений дает представление прежде всего о субъектах глобального права, но не о правовом регуляторе. Остается неясным, как соотносятся наднациональное и международное право, какое право должно применяться на уровне взаимодействия субъектов федерации и административно-территориальных единиц, органов местного самоуправления. Не дается также ответа на вопрос о системообразующих элементах глобального права, об основах системных связей между его компонентами.

Наднациональное право (нормы, имеющие прямое, а не опосредованное внутренним правом действие в отношении частных лиц), пишет В.М. Шумилов, «предстает как необходимое звено для обеспечения иерархичности Глобальной правовой системы» (см. [31, с. 49–50]). В таком понимании наднационального права к нему, во-первых, следует отнести основные принципы международного права, действие которых распространяется не только на публичные международные отношения, но и частноправовые. Во-вторых, оно не является сугубо публичным (если речь идет о регулировании взаимодействия межправительственных организаций с лицами по частноправовым вопросам). В-третьих, принципиальное значение в глобальной перспективе приобретает классификация норм международного права на нормы, непосредственно регулирующие отношения между субъектами международного права, нормы, подлежащие применению к негосударственным отношениям, но через государства, и нормы, непосредственно регулирующие негосударственные отношения. И, в-четвертых, наднациональное право в том смысле, которое ему придается в приведенном определении, утрачивает свое значение как право, имеющее особенную природу. В итоге мы видим, что нормативным регулятором отношений и надгосударственного, и международного уровня выступает не что иное, как международное право в единстве двух ветвей: публичного и частного права.

Вопрос о характере права, применимого к отношениям между субъектами федераций и административно-территориальными, а также муниципальными единицами разных государств, остается дискуссионным на протяжении уже длительного времени. Ответ на него зависит прежде всего от установления юридической природы соглашений, заключаемых данными субъектами. Однако его не дает ни международное, ни какое-либо национальное право. Нет его и в отечественном законодательстве, хотя проблема осуществления внешних связей субъектами Российской Федерации не утрачивает остроты на протяжении уже более десяти лет. В Законе «О международных договорах Российской Федерации» 1995 г. не содержится даже упоминания о данных соглашениях. Закон «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» 1999 г., предоставляющий субъектам РФ право на заключение международных соглашений, устанавливает в ст. 7, что независимо от формы, наименования и содержания они не являются международными договорами, но не относит их к какой-то конкретной категории. В научной литературе высказывается мнение о двух видах подобных актов. Так, Б.И. Нефедов

полагает, что это «разновидность так называемых административных договоров со всеми присущими им основными характеристиками», но некоторые из них «следует рассматривать как международный контракт, заключенный между юридическими лицами разных стран» [32, с. 5].

Поддерживая позицию законодателя, следует заметить, что рассматриваемые соглашения не могут быть и безоговорочно причислены к гражданско-правовым договорам (контрактам), поскольку они заключаются органами публичной власти. Точнее говорить о них как о международных соглашениях особого рода (*suī generis*), специфика которых обусловлена правовым статусом сторон, объектом регулирования и сферой действия. Для обособления и обозначения таких договоров вполне подходит, на наш взгляд, такой термин, как «транснациональные договоры», а выделяемыми разновидностями данных договоров будут административные договоры и контракты. Но можно ли считать, что транснациональные соглашения являются источником особого транснационального права?

Не вызывает сомнений, что ввиду указанной специфики транснациональных договоров, а также очевидности особого порядка их вступления в силу и необходимости установления соотношения с договорами, заключаемыми по аналогичным вопросам соответствующими государствами, необходимы многосторонние межгосударственные акты, определяющие основы взаимоотношений между сторонами транснациональных договоров. Следовательно, для правового регулирования транснациональных договоров надлежит использовать средства международного права, что представляется целесообразным с точки зрения международного правопорядка. Так, к ним должны применяться основные принципы международного права и специальные нормы (право транснациональных договоров).

В таком понимании транснациональное право представляет собой совокупность норм международного права, регулирующих отношения между регионами и муниципалитетами разных государств путем согласования позиций этих государств относительно их внешних, в том числе договорных, полномочий и порядка сношений. Таким образом, на уровне отношений между регионами государств и уровне отношений между органами местного самоуправления основу правового регулирования тоже составляют нормы международного права.

Отношения между лицами разных государств регулируются, как известно, международным частным правом в виде норм, имеющих национальную и международную природу. Несмотря на различия мнений специалистов в этой области относительно юридической сущности международного частного права, международный договор признается его источником. Кроме того, ряд международно-правовых норм (о правах человека, международного уголовного права, международного гуманитарного права и др.) предназначен для применения к отношениям с участием частных лиц как через посредство государств, так и напрямую. Вполне очевидно, что роль международного права в регулировании отношений между лицами является весьма значительной.

Таким образом, на всех уровнях глобальной системы международное право становится регулятором соответствующих отношений. Возражать против этого факта довольно сложно, однако толковать его можно по-разному. Так, у

С.В. Черниченко вызывает возражение попытка доказать, что международное право может регулировать международные отношения не межгосударственного характера. Развивая свою мысль, он пишет: «Если признавать международное право регулятором межгосударственных отношений, то придется признать, что оно не может перешагнуть за границы таких отношений. Представим себе, что оно их все же перешагнуло. Тогда оно за указанной чертой перестает быть международным правом, превращаясь в совместное право ряда государств, регулирующее международные отношения не межгосударственного характера с участием индивидов, неправительственных организаций и т. д. и напоминающее право кондоминиумов. Такая теоретическая конструкция, несмотря на ее искусственность, возможна. ...Ясно только, что, допустив существование феномена совместного права в рассматриваемом гипотетическом случае (международное право перешагнуло свои объективные границы), его уже нельзя считать международным правом» [33, с. 19–20].

Приведенные рассуждения, несмотря на безупречную логику, тем не менее, нельзя признать контраргументом в отношении рассматриваемого тезиса, поскольку в них идет речь о механизме международно-правового регулирования. Действительно на всех уровнях международных и во всех сферах внутригосударственных отношений применение международного права происходит через посредство государств, и в этом смысле оно выступает регулятором только межгосударственных отношений. Однако речь идет о том, что определенные предписания, вырабатываемые государствами для субъектов международных отношений не межгосударственного характера и в ряде случаев для субъектов внутригосударственных отношений, основываются на нормах международного права. Число подобных предписаний постоянно возрастает, и складывается модель поведения, основанная, с точки зрения содержания, на международном праве. Иными словами, международное право в содержательном аспекте служит регулятором указанных отношений.

Расширение сферы, подверженной воздействию международного права, является свидетельством приобретения им новых функций и, соответственно, качественных изменений. В новом качестве (универсального регулятора) оно приобретает характер глобального права, не становясь наднациональным.

Наднациональные нормы, т. е. созданные или вступившие в силу без непосредственного волеизъявления государств, вполне логично вписываются в структуру глобального права как нормы, создаваемые на основе международного права (международных договоров). По своей сути это тоже международно-правовые нормы, так как согласие на их обязательность государства дают, создавая соответствующие организации и устанавливая полномочия их органов. Особенности создания этих норм связаны не с природой, а способом выражения волеизъявления. Можно сказать, они являются международно-правовыми нормами второго порядка. Трансформация международного права в наднациональное право теоретически возможна в перспективе, по мере федерализации мирового сообщества, но до тех пор, пока система национальных государств остается жизнеспособной, нормативным регулятором отношений в этой системе будет оставаться международное право.

Безусловно, что международное право на современном этапе уже отличается по богатству содержания, сфере действия и применения по сравнению с тем, каким оно было на начальном этапе функционирования ООН, с которой связывают вступление его в новую фазу, длящуюся по настоящее время (см. [34, с. 167]). Эти изменения происходили постепенно, хотя определенные события оказывали на него заметное воздействие. Для определения направления эволюции международного права отметим некоторые факты (события), их предпосылки (цели) и последствия, выразившиеся в качественных изменениях международного права:

1) *создание ООН (цели определены в Преамбуле Устава ООН) – закладываются основы международного правопорядка, системы международной безопасности и многостороннего сотрудничества;*

2) *возрастание численности многосторонних договоров (вызвано необходимостью решения общезначимых проблем в различных сферах международной жизни) – происходит универсализация международно-правового регулирования;*

3) *заключение многосторонних международных договоров по вопросам освоения пространств, находящихся за пределами государственных территорий (обусловлено научно-технической революцией, открывшимися возможностями освоения труднодоступных объектов), – расширяется пространственная сфера действия международного права;*

4) *утверждение принципа и создание правовых механизмов защиты прав человека (как следствие демократизации общественных отношений) – международное право прочно внедряется в национальные правопорядки;*

5) *формирование международного экономического (в частности, международного торгового) права, появление многосторонних договоров по вопросам международного частного права (в результате усиления экономической взаимозависимости) – создаются международно-правовые стандарты для унификации национального законодательства в соответствующих сферах;*

6) *создание универсальных и региональных организаций в торгово-экономической сфере (в целях укрепления торгово-экономического сотрудничества) – зарождается наднациональное право.*

Кроме того, новым явлением международной жизни, представляющим интерес в контексте глобальной проблематики, становятся партнерские отношения. Это было подчеркнуто в Докладе Генерального Секретаря ООН на 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 2003, «Укрепление сотрудничества между Организацией Объединенных Наций и всеми соответствующими партнерами, в том числе частным сектором».

Среди партнерских объединений особого внимания заслуживает Глобальный договор. Его участниками являются пять основных учреждений ООН (МОТ, ЮНЕП, Управление Верховного комиссара ООН по правам человека, ПРООН и ЮНИДО), взаимодействующих с другими учреждениями ООН, частные компании различных стран мира, международные профсоюзные объединения, неправительственные организации и научные институты. Партнерские отношения, начало которым в рамках Глобального договора было положено в 2000 г., представляют собой особый уровень международных связей, свидетель-

ствующих о начале процесса формирования мирового гражданского общества. Но и этой сфере ведущую роль призвано сыграть международное право. В основу партнерства были положены руководящие принципы сотрудничества между ООН и деловыми кругами, принятые Генеральным секретарем ООН в июле 2000 г., которые базируются на целях и принципах ООН и должны соответствовать национальному законодательству, национальным стратегиям и планам¹.

Новые черты международного права, которые отмечаются в настоящей работе, не исчерпывают всего многообразия изменений, происходящих в данной отрасли права на современном этапе. Тем не менее, в совокупности они позволяют определить основной вектор в развитии международного права – постепенное перерастание в универсальный регулятор, иначе говоря, глобальное право. В каждом отдельном случае указанные изменения обусловлены совместным устремлением государств к выполнению конкретных задач. Таким образом, становление глобального права происходит не в результате целенаправленных действий субъектов международного права – оно формируется в ходе объективного развития человечества как побочный продукт жизнедеятельности международного сообщества под воздействием общности интересов и по мере разрешения тех проблем, которые ставятся перед ним самой жизнью. Вместе с тем, представляется важным не упускать из виду такой субъективный фактор глобализации, как выбор метода и способа решения международных проблем. Безусловно, что он должен быть основан на международном праве и сделан с учетом всех заинтересованных государств. При выполнении данного условия осуществимы, на наш взгляд, как управление глобализацией, так и преемственность между настоящей и нарождающейся правовыми системами.

Summary

N.E. Tjurina. Globalization as an objective trend in the development of international law.

The idea of the world entity has long existed in human minds. Nowadays it is shaped in the integration process, while the legal regulator for the developing global community is becoming an urgent issue of the global agenda. For many years scientific research has been trying to construct such a tool, but up to now the concepts of the world law, global law and the global system vary greatly. The laws of dialectics say that the legal instruments for future are rooted in the present. Global law can be based on international law, with its already visible traits of the universal regulator.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 528 с.
2. Спенсер Г. Синтетическая философия (в сокращенном изложении Говарда Коллинза). – Киев: Ника-Центр, 1997. – 512 с.
3. Нерсесянц В.С. Процессы универсализации права и государства в глобализующемся мире // Государство и право. – 2005. – № 5. – С. 38–47.

¹ См.: Партнерские отношения между Организацией Объединенных Наций и негосударственными субъектами, в том числе частным сектором: последние события в Организации Объединенных Наций и их возможные последствия для работы Комиссии. Записка секретариата. 37-я сессия ЮНСИТРАЛ, 14–25 июня 2004 г.

4. *Morgenthau H.J.* The Impartiality of the International Police // Engel Salo (ed.) Law, State, and International Legal Order: Essays in Honor of Hans Kelsen. – Knoxville: Univ. Tenn. Press, 1964. – P. 209–223.
5. *Clark G., Sohn L.* World peace through world law. – London, 1967. – 540 p.
6. *Мовчан А.П.* Разрядка напряженности и международный правопорядок // Сов. государство и право. – 1976. – № 11. – С. 94–101.
7. *Мовчан А.П.* Вклад ООН в укрепление международного правопорядка (К 40-летию ООН) // Изв. вузов. Правоведение. – 1965. – № 6. – С. 21–31.
8. *Мовчан А.П.* Современный международный правопорядок: понятие и характерные черты // Обществ. науки. – 1987. – № 3. – С. 50–62.
9. *Решетов Ю.А.* Современный международный правопорядок // Сов. ежегодник междунар. права, 1986. – М.: Наука, 1987. – С. 97–197.
10. *Тюрина Н.Е.* Международный правопорядок. Современные проекты совершенствования и преобразования. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. – 93 с.
11. *Евинтов В.И.* Международное сообщество и правопорядок: (Анализ современных концепций). – Киев: Наук. думка, 1990. – 128 с.
12. Задачи международного права в глобальном мире (По материалам Московского юридического форума «Глобализация, государство, право, XXI век») // Государство и право. – 2003. – № 10. – С. 113–119.
13. *Куликов В.В.* Нынешняя модель глобализации и Россия // Рос. эконом. журн. – 2002. – № 10. – С. 66–67.
14. *Шумилов В.М.* Концепция глобальной правовой системы // Юрист-международник. – 2003. – № 3. – С. 46–52.
15. *Фархутдинов И.З.* Глобализация и геэкономика: новые парадигмы мироустройства // Законодательство и экономика. – 2004. – № 4. – С. 18–28.
16. *René D., Jauffret-Spinosi C.* Les grands systèmes de droit contemporains. – Paris: Dalloz, 1992. – 553 p.
17. *Лукьянова Е.Г.* Основные тенденции развития российского права в условиях глобализации // Государство и право. – 2004. – № 7. – С. 84–89.
18. *Лукашук И.И.* Глобализация, государство, право, XXI век. – М.: Спарк, 2000. – 279 с.
19. *Клепацкий Л.* Мудрость муравьев или о некоторых тенденциях в современном мире // Междунар. жизнь. – 2004. – № 3. – С. 99–112.
20. *Gilpin R.* The Political Economy of International Relations. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1987. – 472 p.
21. *Helleiner E.* States and the reemergence of global finance: from Bretton Woods to the 1990s. – Ithaca, N. Y.: Cornell Univ. Press, 1994. – 244 p.
22. *Gelber H.G.* Sovereignty through Interdependence. – London: Kluwer Law International, 1997. – 348 p.
23. *Hsiung J.C.* Anarchy and order: the interplay of politics and law in international relations. – Boulder, Colo.: Lynne Rienner Publishers, 1997. – 245 p.
24. *Delbruck J.* A More Effective International Law or a New “World Law”? Some aspects of the Development of International Law in Changing International System // Indian Law J. – 1993. – V. 68. – P. 705–725.
25. *Koh H.* A United States Human Rights Policy for the 21 Century // St. Louis Law J. – 2002. – V. 46.
26. *Global Law Without a State* / Ed. by G. Teubner. – Aldershot UK: Dartmouth Pub Co, 1997. – 305 p.

27. *Simmons B.A.* Is Sovereignty Still Relevant. Review Essay // Amer. J. Internat. Law. – 2000. – V. 94, No 1. – P. 226–231.
28. *Гаврилов В.В.* Понятие и взаимодействие международной и национальной правовых систем. – Владивосток: Изд-во Дальневосточн. ун-та, 2005. – 215 с.
29. *Тихомиров Ю.А.* Глобализация: взаимовлияние внутреннего и международного права // Журн. рос. права. – 2002. – № 11. – С. 3–12.
30. *Лукашук И.И.* Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журн. рос. права. – 2002. – № 3. – С. 115–128.
31. *Шумилов В.М.* Концепция Глобальной правовой системы // Юрист-международник. – 2003. – № 3. – С. 46–52.
32. *Нефедов Б.И.* Общетеоретические проблемы современного международного права (Часть 2) // Междунар. публичное и частное право. – 2005. – № 3. – С. 2–7.
33. *Черниченко С.В.* Еще раз о международной правосубъектности индивидов // Моск. журн. междунар. права. – 2005. – № 4. – С. 11–26.
34. *Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И.* История международного права. – М.: Междунар. отношения, 1990. – 205 с.

Поступила в редакцию
01.08.07

Тюрина Наталия Евгеньевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права Казанского государственного университета.
Email: Natalia.Tiourina@ksu.ru